

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'371
ББК Ш147.11

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.19

Д. В. Спиридонов D. V. Spiridonov

К. Л. Филатова K. L. Filatova

А. П. Чудинов A. P. Chudinov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ: АНДРЕ МАЗОН

Аннотация. Характеристика роли французского слависта Андре Мазона в становлении лингвистической советологии.

Ключевые слова: политическая лингвистика; лингвистическая советология; французский славист Андре Мазон.

Сведения об авторе: Спиридонов Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания.

Место работы: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, ком. 111.

e-mail: dspiridonov@mail.ru.

Сведения об авторе: Филатова Ксения Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Контактная информация: 620083, Екатеринбург, Тургенева, 4, к. 390.

e-mail: ksenya.filatova@gmail.com.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.

e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

FRENCH LINGUISTIC SOVIETOLOGY: ANDRÉ MAZON

Abstract. Information about the academic biography of the French slavist, professor Andre Mazon.

Key words: political linguistics; French slavist Andre Mazon.

About the author: Spiridonov Dmitry Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Romance Linguistics.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

About the author: Filatova Ksenya Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

История лингвистической советологии начинается вскоре после возникновения Советского государства, когда в западных СМИ появились первые материалы, освещающие революционные изменения в России, в том числе ту роль, которую играли пропаганда и агитация. Коммуникативные особенности революционного дискурса закономерно привлекали внимание зарубежных специалистов, которые стремились понять, почему народ поверил большевикам и как им удалось удержать власть. Эти материалы сначала носили исключительно информационный характер, они относились к дискурсу СМИ, но постепенно при изучении советской политической коммуникации начали использоваться научно-исследовательские методики.

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на невежестве и клевете на социалистическое государство, а советологи — малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие всё русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей недостаточно информированных, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и «страшилками». Среди академических советологов действительно нередко встречались ушедшие в отставку сотрудники специальных служб или иных государственных структур. Можно предположить, что эти люди так или иначе сохраняли связь со своими прежними рабо-

тодателями и поэтому транслировали официальную точку зрения на Советский Союз, который в течение многих десятилетий враждовал со всем западным миром.

Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые, возможно, ошибались, но искренне стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. К счастью, среди советологов всегда были специалисты, которые любили или хотя бы уважали нашу страну и изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

В лингвистической советологии отчетливо различаются европейская и американская ветви, специфика которых определяется не только местом, где проводились и публиковались исследования [Будаев, Чудинов 2009].

Так случилось, что первые крупные публикации по проблемам советологии появились в Соединенных Штатах. Уже в 1918 г. вышла книга Луизы Брайант «Шесть месяцев в красной России», а год спустя появилась книга Бесси Биттик «Красное сердце Петрограда»; в 1919 г. вышла из печати книга Альберта Вильямса «Ленин. Человек и его дело», еще через несколько лет — его же «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917—1918».

В Советском Союзе максимально высокую оценку и широкую известность получила книга американского публициста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (первое американское издание — март 1919 г.; впоследствии книга была переведена на десятки языков и переиздана в самых разных странах). По существу, Дж. Рид показал технологию захвата власти большевиками, и в основе этой технологии было вовсе не вооруженное восстание и штурм Зимнего дворца, а коммуникативные методы — пропаганда и агитация. Как сообщает американский журналист, «день за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на правительство» [Рид 1987: 42], обещая мир, землю и народовластие и

проклиная врагов народа — капиталистов, контрреволюционеров и Керенского. Эту же мысль внушали своим читателям большевистские газеты, тираж которых постоянно возрастал. Яростные коммуникативные столкновения происходили на всевозможных митингах, собраниях, диспутах, съездах и конференциях. Американский журналист ярко продемонстрировал, что победа революции в 1917 г. ковалась агитаторами и ораторами. Красная гвардия и ЧК были созданы позднее.

Подобные наблюдения представлены и в публикациях многих других зарубежных очевидцев российской революции. Это свидетельствовало, что революция и гражданская война в России начинались с коммуникативной войны. Российские технологии революционной пропаганды впоследствии тщательно изучались (а нередко — и применялись) специалистами из самых различных стран.

В публицистических книгах, подготовленных журналистами, помимо прочего, содержится богатый фактический материал, много метких наблюдений над особенностями российской политической коммуникации в эпоху революции и Гражданской войны, а поэтому они могут рассматриваться как открывающие первый этап лингвистической советологии. Собственно научные исследования, для которых необходимы отточенная методология и некоторая «отстраненность», беспристрастность, появились несколько позднее.

Среди первых европейских исследований советского политического языка выделяется книга знаменитого французского филолога и, возможно, разведчика Андре Мазона [Mazon 1920].

Для лучшего понимания рассматриваемой книги и обстоятельств ее создания полезно обратиться к биографии автора. Французский (и отчасти российский) профессор¹ Андре Мазон (в России его нередко называли Андрей Альбинович) прожил долгую жизнь (1881—1967). Он известен как славист, автор трудов по русской литературе, русскому, македонскому и чешскому языкам, славянскому фольклору, один из основоположников лингвистической советологии. Значительно меньше известно об его деятельности офицера, дипломата и разведчика.

Андре Мазон получил образование в Сорбонне и Пражском университете. Был учеником А. Мейе в «Школе высших иссле-

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность профессору университета Лозанны (Швейцария) Патрику Серию за ценные сведения о научной биографии Андре Мазона.

дований» (дипломная работа по морфологии русского глагола).

Преподавал французский язык в Харьковском университете (1905—1908). Ученый секретарь Института живых восточных языков в Париже (1909—1914), профессор Страсбургского университета (1919—1923) и Коллеж де Франс (1924—1952). Руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937 г.), вице-президент Международного комитета славистов (1958—1967). Один из основателей и член редколлегии парижского славистического журнала «Revue des études slaves» (1921—1928), который считался несколько более правым, чем журнал «Le monde slave», многие авторы которого симпатизировали русской революции и Советскому Союзу.

Среди лингвистических исследований известен очерк о видовых формах русского глагола («Emplos des aspects du verbe russe», 1914), в котором автор «освободил изучение глагольного вида от смешения несовершенного вида с итеративностью и обосновал его на прочной морфологической основе» (Andre Vaillant). Создал краткие грамматики чешского (1921) и русского (1943) языков.

Как литературовед и фольклорист занимался описанием фольклора балканских славян и русской классической литературой XIX в. Защитил диссертацию о творчестве И. А. Гончарова («Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov», Париж, 1914). Известна полемика Андре Мазона и Романа Якобсона по проблемам аутентичности «Слова о полку Игореве», в процессе которой французский славист доказывал, что «Слово...» является фальсификацией конца XVIII в., а «Задонщина» послужила для автора «Слова...» источником для подражания. Как известно, Р. Якобсон придерживался противоположной точки зрения о соотношении «Слова...» и «Задонщины». Достаточно полная библиография трудов Мазона представлена в специальных обзорах [Train 1951; Aslanoff 1969].

Во время Первой мировой войны А. Мазон служил во французской военной миссии на Балканах, где изучал македонский язык и пришел к выводу о том, что он «является болгаро-македонским диалектом, отличающимся как от болгарского, так и от сербского языков».

Позднее, в 1918—1919 гг., работал при французской военной миссии в России. Строго говоря, Мазон не был сотрудником французской военной миссии (ФРАМИС): официально он находился в России в научной командировке по заданию французского Министерства общественного образования.

Существует мнение, что эта командировка была по существу «легендой» для деятельности разведчика.

Летом 1918 г., когда представители ФРАМИС и сотрудники французского консульства покинули Петроград, Мазон остался в столице. При нем была охранная грамота, выданная датским посольством, а также рекомендательное письмо, подписанное заместителем наркома иностранных дел Л. М. Карahanом. Несмотря на это, после начала красного террора, вызванного убийством Урицкого, Мазон был арестован сотрудниками ВЧК. Он оказался в числе нескольких французов, которых, как, например, вице-президента русско-французской промышленной палаты, видного металлурга Пьера Дарси, советское правительство отказалось признать дипломатами и включило в список членов расформированной военной миссии. Все они в течение нескольких месяцев фактически были заложниками советского правительства и находились в тюрьме — сначала в Петрограде, затем в Москве, в Бутырке. В ответ на арест своих граждан «по обвинению в заговоре против советской власти» Франция пригрозила приостановить репатриацию почти 40 тысяч русских солдат (об этом эпизоде русско-французских отношений см.: [Попова 1995]). В отличие от того же Дарси, умершего в лазарете Бутырской тюрьмы, Мазону повезло: по приказу Н. А. Скрипника он был выпущен из тюрьмы 12 декабря 1918 г., и в начале 1919 г. вернулся во Францию. Его впечатления о пребывании в большевистских застенках были вскоре опубликованы в «Ревю де Пари» [Mazon 1919].

Несмотря на столь печальные обстоятельства пребывания в России, Мазон постоянно фиксировал факты, отражающие развитие русского языка в эпоху Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Именно эти наблюдения и послужили основой для книги «Lexique de la guerre et de la révolution en Russie» [Mazon 1920]. В этой работе автор рассматривает аббревиатуры, заимствования, имена собственные, особенности деривации, семантико-стилистические новообразования в русском языке периода Первой мировой войны и революции.

Впоследствии многие другие исследователи обратили внимание на первые этапы советизации русского языка (С. Карцевский, Э. Мендрас, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, А. и Т. Фесенко, Р. О. Якобсон, Л. П. Якубинский и др.). Но именно работа Андре Мазона стала первой зарубежной монографией, в которой была предпринята попытка зафиксировать и осмыслить измене-

ния в русском языке в годы Первой мировой войны и русской революции.

Как известно, в публикациях зарубежных ученых отчетливо выделяются два направления: «советофобское» и «советофильское». Андре Мазон не относится ни к той, ни к другой ветви. Особенность его книги заключается в том, что ее нельзя назвать первой в цикле идеологизированных работ по исследованию русско-советского языка, в которых собственно лингвистические размышления перемежаются с антисоветскими высказываниями и пророчествами. Одновременно Андре Мазону совершенно чуждо восхваление «пролетарского преобразования» русского языка, что было характерно для исследований этой тематики в советской науке, а также для некоторых зарубежных «советофилов». Многие высказывания Мазона о русской революции носят весьма критический характер.

Среди наиболее заметных инноваций Мазон отмечает такие явления, как активизацию аббревиации, экспансию нелитературной лексики (жаргонизмов, диалектизмов, просторечных слов), значительное иноязычное воздействие, а также стремление к созданию новых обозначений (милиция вместо полиции, народный комиссар вместо министра, советский служащий вместо чиновника), к переименованию городов и изобретению новых личных имен.

В разделе, посвященном стилистическим и семантическим преобразованиям, которые происходили под воздействием войны и революции, Мазон выделяет слова, у которых появились новые значения: *брататься*, *братанье* (раньше эти слова обозначали крестьянский обычай), *мешочник* (ранее — производитель или продавец мешков), *шкурник* (ранее — человек, торгующий шкурами), *шкурный интерес*.

Андре Мазон последовательно выделяет также слова, вернувшиеся в активное словопотребление с обновленным значением. Примером могут служить существительное *беженец* (по мнению автора, оно возникло в период русско-турецкой войны для обозначения славян, спасающихся от турок), а также существительное *фронтвик* (исследователь пишет, что в мирные времена это слово обозначало «красующегося карьерного военного, строго и неукоснительно соблюдающего правила, как, например, Скалозуб у А. С. Грибоедова»). Исследователь отмечает также, что слово *инструктор* большевики стали использовать в значении *пропагандист* (прежнее значение — человек, который обучал военному или морскому делу).

Автор фиксирует также «политическую смерть», дискредитацию и переход в разряд историзмов многих слов, обозначающих прежние реалии, а также замену этих слов новыми обозначениями (*городовой* — *милиционер*, *чиновник* — *советский служащий*, *правительство* — *советская власть*).

Андре Мазон пишет также о своего рода языковой игре, особом «черном юморе», который получил широкое распространение в те годы: *совдеп твою мать* (новое ругательство), *совет кретинских и собачьих депутатов* (Совет крестьянских и солдатских депутатов), — и об антисемитских намеках при искаженном произношении слов *центрожид*, *Шмольный* (Смольный институт), *прежидиум* и др.

С некоторыми утверждениями французского специалиста трудно в полной мере согласиться. В частности, он пишет: «Сами лозунги, которые организаторы торжеств по поводу юбилея Октябрьской революции написали большими буквами на московских стенах, выдают отсутствие у авторов уверенного языкового чутья: „Религия — опиум для народа“ (вместо „Религия — народу опиум“) и „Революция — локомотив истории“ (вместо „Революция — паровоз истории“, ибо слово локомотив наверняка непонятно русскому крестьянину)».

Многие лексические единицы, зафиксированные А. Мазоном, давно уже перешли в разряд историзмов и архаизмов. Это такие советизмы, как *совдеп* (Совет депутатов), *реввоенсовет* (Революционный военный совет), *совнархоз* (Совет народного хозяйства), *комбед* (Комитет бедноты), *пролеткульт* (пролетарская культура).

Наши современники едва ли поймут многие аббревиатуры, зафиксированные французским славистом. Примером могут служить обозначения *срисд* (Совет рабочих и солдатских депутатов) *совжедор* (Совет железнодорожников), *комгосоор* (Комитет государственных сооружений), *расмеко* (Комитет по распределению металла), *всевобуч* (всеобщее военное обучение), *компотель* (комиссар почт и телеграфа), *загаздив* (заведующий газовой обороной дивизии), *благдив* (дивизионный благочинный), *коринт* (корпусный интендант), *корвет* (корпусный ветеринар) и т. д.

Некоторые зафиксированные А. Мазоном слова — это результат языковой игры, окказионализмы, которые уже в те годы не воспринимались как общеупотребительные стилистически нейтральные лексемы. Это относится, в частности, к слову *сестрит*, которое в революционные годы обозначало венерическую болезнь, полученную от медсестры.

Результатом языковой игры являются и некоторые вторичные значения общеупотребительных слов. Например, прилагательное *федеративная* в те годы могло обозначать проститутку, общедоступную женщину.

Приметой тех страшных лет стали многие эвфемизмы, которые Мазон обозначает как «прозрачные формулы». Ср.: *отправить на митинг* (в жаргоне матросов означало «утопить офицеров»), *отправить в штаб Духонина* (отправить на тот свет, расстрелять), *в конверт и на почту* (сначала посадить в тюрьму, а потом расстрелять), *отдавать деньги в земельный банк* (прятать ценности в земле).

Рассматриваемая книга ранее не публиковалась на русском языке, хотя ссылки на нее даются во множестве публикаций. К сожалению, пока нет возможности опубликовать этот перевод полностью, однако «Политическая лингвистика» продолжает публикацию ее фрагментов. Ниже предлагается перевод раздела «Аббревиация» и «Введение», ознакомление с которым помогает лучше понять теоретическую основу этой книги и представленный в ней материал. Ранее в нашем журнале были опубликованы два фрагмента из рассматриваемой книги:

один из них посвящен словоупотреблению, семантике и стилистике, а второй — именам собственным [Мазон 2009а; Мазон 2009б].

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Американская лингвистическая советология: начальный этап // Политическая лингвистика. 2010. № 2.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология : моногр. — Екатеринбург, 2009.
3. Мазон А. Словоупотребление: семантика и стилистика // Политическая лингвистика. 2009а. № 2.
4. Мазон А. Имена собственные // Политическая лингвистика. 2009б. № 2.
5. Попова С. С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам военного министерства Франции // Россия и Франция: XVIII—XX века. М., 1995. Вып. 1.
6. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. — М., 1987.
7. Aslanoff S. Bibliographie des ouvrages et articles d'André Mazon // Revue des études slaves. Vol. 48.
8. Mazon A. Prisons russes // La Revue de Paris. XXVI, 12 (15 juin 1919); XXVI, 13 (1 juillet 1919).
9. Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). — Paris, 1920.
10. Train J. Bibliographie des ouvrages et articles d'André Mazon // Revue des études slaves. Vol. 27.